

**Алексей
ПЕНДРАКОВСКИЙ**

г. Москва

рассказ

По благородному сукну цвета тенистого газона катались молочные шары: то бились друг о друга с громким цоканьем, то расходились вежливо, с деликатным шелчком. Одни ныряли в сетчатые мешочки луз, оставшиеся замирали на пути к ним. Вокруг стола перемещались два мужчины: немолодой, в очках, солидно одетый — в шёлковой рубашке и костюмных брюках, другой, явно помладше, — смуглый, коренастый, с залысиной, в поношенной майке на выпирающем небольшом бугром животе. Играли в русский бильярд по правилам свободной пирамиды, в просторечии — «американки», то есть любой шар может стать как снарядом, так и мишенью. Тот, по которому наносят удар кием, называют битком; его также можно отправить в лузу как свояка — рикошетом от другого шара.

Немолодого представительного мужчину звали Игорь Германович Шестов. Рабочий день перед визитом в бильярдную был прожит им, откровенно говоря, нехотя. В офисе он никак не мог сосредоточиться на вычислениях, вместо формул в голове у него маячили игровые позиции. Подчинённых своих он также отчитывал вполсилы, хотя обычно устраивал им долгий разнос. После обеда директор раскритиковал работу его отдела, пригрозив понизить в должности, а у Шестова даже в тот момент на уме были одни шары да лузы.

— Ну, красавелла! — выпалил соперник, глядя, как Шестов забил дуплетом: биток толкнул шар, тот врезался в борт и от борта неспешно уплыл в противоположную лузу. — Чую, интересно мне с вами будет...

Шестову этот комплимент показался убаюкивающим приёмом: в игре мало кто радуется успехам визави. Впрочем, тот уже был пойман Шестовым на притворстве: он заметил, что поначалу тот намеренно играл хуже своих возможностей — скрывая технику, лупил на силу и везение.

— Ах, да что ж ты будешь делать-то, сука! Видели, да? Не везёт! — сокрушался соперник после очередного промаха. — Надо разыграть-ся. Часто тут бываете? — Манера общения у него была простой, мужицкой, однако в целом он не производил впечатления игрока, который отмузит в случае своего проигрыша.

— Ну да. Частенько, — всматриваясь в расстановку шаров, пробормотал Шестов.

— Рядом тут стрип-клуб есть, знаете? Ходили туда?

— Знаю. Не ходил.

— Понятно. Не любитель. Чем занимаетесь, если не секрет?

— Финансовой математикой, — сухо вымолвил Шестов.

— О, это дело полезное! Риски вычисляете, да?

— Ну, не ириски считаю... — мрачно пошутил Шестов.

— Хех!.. Ну, я угадал? — допытывался мужик.

— Руковожу отделом тех, кто вычисляет, если быть точным.

— Понятно. С академиком играю!.. — явно льстил второй. — Не хотите... хм... немного подогреть интерес к партии? По мелочи, квартиры ставить не будем...

Шестов молча кивнул. Он и пришёл сюда, ведомый прежде всего азартом, поскольку игра сама по себе давно не увлекала его, как раньше. В молодости стоило ему подойти к бильярдному столу — и мир вокруг него отступал, заменялся белым фоном, а на зелёном сукне под тусклыми светильниками открывалось наглядное торжество законов механики и геометрии. С возрастом для Шестова игра сама по себе утратила ценность и значимость, магию и уникальную прелесть, зато интерес к ней вошёл в строгую зависимость от размера ставки.

Игроки поборолись за право первого удара: оставили на столе два шара и почти одновременно отправили их к противоположному борту. Достигнув преграды, шары покатались обратно, соперник Шестова оказался ближе к «дому» — переднему борту. В первой же партии на деньги, на начальные пять тысяч, мужичок заметно преобразился — дождавшись выгодной позиции, хладнокровно исполнил победоносную серию.

— Видишь, умею кой-чего, — приговаривал он. — Ну, ладно, это уж повезло мне...

«Рано ты себя обнаружил, гад», — подумал Шестов.

Во второй партии на двадцать тысяч он сумел взять реванш, хотя противостояние получилось довольно плотным и нервным. Сопер-

ник воспринял свой проигрыш с кривой ухмылкой и мгновенно предложил увеличить ставку до пятидесяти.

В третьей партии Шестов промахивался, исключением был лишь тот красивый дуплет, после которого, однако, почти все шары прилипли к борту. Напрашивался отыгрыш — удар, цель которого не забить самому, но усложнить дальнейшие действия сопернику. Шестову всё же захотелось рискнуть — толкнуть одинокий шар, который располагался в относительной близости от дальней лузы. Пришлось тянуться враскорячку, опершись о бильярдный стол и встав на одну ногу.

В этот момент у мужика звонил телефон. «Да! И чё? И чё?! — кричал на кого-то. — Дай мне отдохнуть, а! Потом позвоню... Извините, если отвлёт, — вода пальцем по экрану телефона, бросил он Шестову. — Бабы, они такие!..»

После нескольких прицеливаний, подгоняемый затёкшей спиной, Шестов грубо промахнулся, но, что хуже, биток на отскоке задел прилипшую к борту грудку шаров. Соперник в ответ благоразумно сыграл самый простенький из предоставленных ему вариантов.

— Хочешь реванш? — тут же осклабился он.

— Да, — кивнул Шестов, отстёгивая ему купюры.

— Сколько ставим? Давайте поднимем до семидесяти, а?

— Хорошо.

Они сыграли ещё две партии, по очереди добившись в них успеха.

— Может, сотку, а?.. — вновь предложил повысить ставку мужик.

Повисла небольшая пауза. Шестов прикинул, сколько денег у него осталось на банковской карте. Нет, не хватало. Но всё же он согласился и тут же добавил:

— Только в туалет отойду.

Мужик усмехнулся:

— От волнения, что ли?

Изобразив на лице улыбку, Шестов не ответил и пошёл через длинный зал, вскользь поглядывая на других посетителей. В основном взору его представляли их спины. Нависнув над столом грузными телами, раскатисто гоготали два красношеих мужика. За соседним разминался наедине с собою один завсегдагай — щуплый старичок

интеллигентного вида в жёлтом вельветовом пиджаке. Мелькала здесь и грудастая блондинка невысокого роста — Шестов уже встречал её раньше, она вроде только училась бильярду и каждый раз находила себе нового партнёра-наставника. Кто-то орал на весь зал низким мужским голосом: «Да было!.. Было касание!» Вскоре крик сократился до пронзительного «было!!!».

Поравнявшись с барной стойкой, Шестов повернул к туалету. А там, поглядывая то на своё отражение в зеркале, то в телефон, он तोпливо соображал, у кого попросить денег. В голове чередовались имена друзей, знакомых, дальних родственников... Жена отпала сразу: как-то раз, узнав о проигрыше в двести тысяч, она устроила Шестову долгий разнос, тогда он поклялся ей, что будет знать меру. Взглянув на часы — оказалось, час уже поздний, — Шестов сократил воображаемый список до одного верного подчинённого, который как-то раз, извиняясь за опоздание, признался, что плохо спит по ночам. Набрал его номер.

— Привет. Извини за поздний звонок. Не разбудил? — Шестов сгорал от стыда.

— Нет, Игорь Германович. Не сплю пока. Ага, слушаю вас.

— У тебя не будет в долг сорок тысяч?

— Да-да, будет, конечно, — услужливо зачастил подчинённый. — У вас что-то случилось?

— Всё нормально. Просто мои деньги на карте жены, а она спит, — признался Шестов, но дальше на всякий случай соврал: — У меня тут встреча кое с кем... Не хочу быть стеснённым в средствах.

— Понимаю. Сейчас переведу, — пообещал подчинённый.

В этот момент Шестов почувствовал себя очень могущественным человеком и... одновременно жалким.

Вернувшись в зал к своему столу, он продолжил игру. Деньги уже были на его карте, это поднимало дух.

На сей раз Шестову удалось заполучить в розыгрыше право первого удара. После он уверенно открыл счёт в партии, забив рикошетом от пирамиды, и тут же ощутил невероятную лёгкость, словно прежде какая-то неведанная сила забирала у него мастерство. Ещё один шар — изящный свояк — в боковую лузу, за ним «чу-

жой» — мощным выстрелом в дальнюю. Краем глаза Шестов следил за выражением лица соперника, но вместо желаемой тревоги видел на нём безмятежность и даже какую-то снисходительность. «Неужели ты настолько уверен в своей победе? — думал Шестов. — Может, ещё не показал свой максимум?.. Да нет, — успокаивал себя, — всё-то ты, братец, уже показал и, чую, проиграешь сегодня!»

Ведя 3-0, Шестов допустил ошибку, чересчур поверив в свои силы и пытаясь заколотить резным ударом в дальнюю лузу. Соперник начал потихоньку догонять его: 3-1; 3-2; 4-2; 4-3; 4-4. Потом они по очереди вырывались вперёд. При счёте 5-5 Шестову досадно не повезло: шар после его удара увяз в створках лузы и, будто испугавшись падения, застыл на краю стола.

— Да как?! — не сдержался Шестов.

— Извините, — бросил мужичок. Ему оставалось «собрать урожай»: лёгкими прямыми ударами соперник организовал конвейер по переправке шаров в ту самую злосчастную лузу.

— Скажите мне номер телефона, — достав мобильный, пробормотал Шестов.

— Отправите переводом? Записывайте, 925 *** ** **. Григорий Михайлович — это я, ага. Чё, не будете больше? — усмехнулся мужичок.

— Нет. — Шестов был мрачен.

— Хех, бывает. Но я не последние у вас отнимаю? — спросил с деланным участием. — На проезд хоть осталось?

— На проезд хватит, — буркнул Шестов.

Он сгорал от злости и желания взять реванш, словно, напучав тумачков, был вытаснен кем-то из драки. Соперник, точно почувствовав его настрой, обратился с неожиданным предложением:

— Хотите отыграться? Можем сыграть на ваш мобильный.

— На мобильный? — удивился Шестов.

— Моё дело предложить... — замялся мужик.

А Шестов ухватился за это предложение:

— Я ставлю мобильный, а вы?..

— Пятьдесят тысяч. Он же б/у, сами понимаете... — Соперник кивнул на телефон в руках Шестова.

— Нет... В смысле... да, я согласен, — запинаясь Шестов. — Давайте сыграем.

Эта партия и вовсе была «односторонним из-

биением». Шестов проклинал уже не игру, а себя: сколько раз он клялся никогда больше не подходить к столу и даже не смотреть матчи в интернете, а однажды и вовсе сломал кий о стену на выходе из клуба. И вот опять весь день на работе он только и мечтал оказаться в бильярдной!.. Представлял свои будущие точнейшие удары. Что ж, мечта сбылась — он здесь, да только мажет, как пьяный инвалид. Хоть беги отсюда! Злости Шестову добавляло и то, что проигрывает он человеку явно ниже себя по всем параметрам... по всем, кроме техники игры в бильярд.

— Дайте мне пару минут, чтобы я почистил телефон. Удаляю личное, — мрачно вымолвил Шестов.

Соперник, к его удивлению, бросил на него внимательный и даже как будто участливый взгляд:

— Погодите. Сыграем последнюю партию. Я ставлю ваш мобильный и пятьдесят тысяч.

— А я? — не понял Шестов.

— А вы — ничего. — В голосе соперника слышалась снисходительность.

— Но это как-то... нечестно...

— Опять-таки моё дело — предложить... — пожал плечами мужик.

— Давайте просто я попробую отыграть мобильный... — пытался договориться Шестов, он чувствовал, что самолюбие его ещё больше уязвлено.

— Нет, так неинтересно будет, — осклабился соперник.

«Всё-таки глумишься надо мной, козлина, — думал Шестов. — Уже ничего не стесняешься».

Тем не менее Шестов решил не упускать этот шанс и — более того — в случае выигрыша сыграть ещё раз. Вот только злость не придавала ему сил, скорее наоборот, кий в его руках стал каким-то непослушным, чужим, ошибки в игре становились всё грубее. Соперник же разошёлся на полную, забив резаным дуплетом. Это сложный удар. Шар срикошетил и был послан в борт под углом. Шестов оценил и ещё больше занервничал.

— Всё! Всё! Хватит! — прикрикнул он. — Я вижу, вы притворялись чайником в начале игры, а сейчас откровенно издеваетесь надо мной!

— Во-первых, я играл честно и по правилам, — спокойным голосом с какой-то новой деловитой

ноткой ответил мужчина. — А во-вторых, я предоставил вам шанс. Согласитесь, это тоже риск с моей стороны.

— Да ничем ты не рискуешь! — рявкнул Шестов и тут, взяв себя в руки, добавил: — Ладно, сейчас подчистишу в телефоне...

Он стал удалять номера близких, фотографии, при этом чувствуя, будто прилюдно отрекается от всей своей жизни. Вот он на Чистых прудах у памятника Кунанбаеву, вот сынок его скорчил уморительную рожу, Крымский мост, Нескучный сад, смешное видео с собакой, фото жены... Всё — в небытие.

— Спасибо за игру, — положив на зеленое сукно мобильный, ради приличия выдал из себя Шестов.

— Спасибо, — кивнул мужичок. — Позвольте, я скажу вам ещё кое-что?

— Что? — нахмурил брови Шестов.

— Мне кажется, вы такой азартный именно потому, что здесь невозможно просчитать все риски. — Эта фраза из уст соперника прозвучала неожиданно сочувственно.

— Может, и поэтому, — мрачно кивнул Шестов.

Перед тем как выйти на улицу, он решил опрокинуть в себя стопку-другую. Сев у барной стойки, на последние деньги Шестов заказал себе два раза по сто грамм, апельсиновый сок и сразу расплатился оставшейся наличкой.

Сзади к нему неслышно подошёл старичок в вельветовом пиджаке:

— О, Игорёк! Что у тебя случилось? Выглядишь неважно...

Шестов молчал. Старик сел рядом за барную стойку.

— Проиграл, значит. Бывает... Но ты держись. Бильярдная — такое место, знаешь, где карета превращается в тыкву и наоборот. И так раз по пять за ночь!

— Ненавижу эту игру, — процедил Шестов и опрокинул в рот стопку. — Может, это проклятие на мне? Хотите верьте, хотите нет, но больше вы меня здесь не увидите!

По сумеречному залу Шестов прошёл к выходу. Открыв дверь, он был ослеплён лучами утреннего солнца. Всё вокруг него переливалось этим неутомимым светом, даже угрюмые обшарпанные многоэтажки сверкали белизной. Шестов вытащил кий из чехла, приставил его к стене и со

всей дури врезал по нему ногой, после чего пошёл своей дорогой.

В метро столь ранним утром народу было мало. Лица сонные, недобрые, смотрели будто с осуждением. Теперь, глядя через окошко в темноту тоннеля, Шестов почувствовал себя невероятно свободным; лишившись телефона и денег, он волен идти куда хочет. Но стоило ему отвлечься от

этой мысли, разрешив воображению нарисовать произвольный образ, перед глазами снова покатались молочные шары. Шестов попытался усилием воли отогнать их, но те лишь выстраивались в узоры бесчисленных позиций...

ПОЕХАВШИЙ

рассказ

1

Такси пробиралось сквозь метель. Авто вокруг боролись за пространство, словно позади них наступали танки; в потоке красных огней шустрила васильковая мигалка скорой помощи. Проносились окна близлежащих зданий, рекламные щиты, указатели, фонарные столбы.

Задумавшись о жизни, Роман Отингеев чуть не угодил в аварию: ещё немного, и «поцеловался» бы с длиннющей фурией из соседнего ряда. Он осторожно, искоса взглянул на клиента, сидевшего рядом на переднем сиденье: тот с укором покачал головой и едва заметно шевельнул губами.

— Всё нормально! — буркнул Отингеев, как бы успокаивая его и себя. — Нормально всё!

— Не сомневаюсь, — с кривой ухмылкой отозвался мужчина в костюме. — Вы, главное, поосторожней... Мне сейчас в аварию попадать нельзя.

— Да у меня ни одной аварии не было! — воскликнул Роман. — Хотя козлов на дорогах... А у меня ни одной царапины... Тьфу, тьфу, тьфу! — В этот момент он втопил педаль газа и лихо рванул наперерез замешкавшейся Audi.

Весь день Отингеева одолевало желание уснуть — припарковаться где-нибудь да откинуться на заднем сиденье. Чтобы бороться с этим, он вспоминал расстановку московского «ЦСКА». Прикидывал, что поменял бы, окажись на посту главного тренера. В движении машин углядывал некие параллели с тем, как взаимодействуют на футбольном поле игроки.

— Сука одна на меня нажаловалась, — вдруг по-

делился Отингеев с пассажиром. — Ехали мы с ней по Рязанке, а там... На BMW дебил какой-то в меня чуть не врезался. Так, представляете, баба эта, которую я вёз, начала на меня гнать. Дескать, это я не умею водить. Ну я и сказал ей пару ласковых, знаете. На эмоциях, конечно... Дело понятное, пока аварию оформляют, то да сё, времени много уйдёт. А вы куда спешите? Вы сказали, вам в аварию попасть нельзя...

— Что, простите? — нахмурился пассажир.

— Да так, вы не подумайте! Просто интересно. Событие важное?

— Ну, не сказать что прямо событие... Хотя, может, так и есть. Переговоры! — наконец прямо ответил пассажир. — Если опоздаю, то, вполне возможно, потеряю много денег.

— А кому сейчас легко? — вздохнул Отингеев.

Проехав еще немного, он резко затормозил перед пешеходным переходом, который будто нарочно медленно пересекала укутанная в лохмотья фигура.

— Ну, быстрее! Быстрее! — злился водитель.

Наконец такси снова тронулось. Отингеева потянуло на разговоры.

— А вы не беспокойтесь насчёт переговоров, — начал он, искоса взглянув на пассажира. — Опаздывая, вы заставляете людей ждать, ставите их в зависимое положение. Мне это друг мой, Павел Геннадьевич, не раз говорил. Он человек серьёзный, руководитель большой, знаете... Говорит, многие политики специально опаздывают на встречи... для статуса...

— Статус... — уткнувшись глазами в экран смартфона, отстранённо промолвил мужчина. — У меня с этим всё нормально... со статусом. Мне

такие приёмчики не нужны. А чем, если не секрет, руководит ваш Павел Геннадьевич?

— Как один философ сказал, знаете, — будто не услышав вопроса, продолжал Отингеев, — нужно уметь превращать «так случилось» в «я этого хотел».

— Так «случилось» в «я хотел»? — усмехнувшись, повторил за ним мужчина, по-прежнему глядя в телефон.

— Да, — подтвердил Отингеев. — И знаете почему? Это делает человека неуязвимым. Не в прямом смысле слова, конечно... Не от пули, например... а от обстоятельств жизненных. Это можно и к переговорам применить, и к чему угодно... Смотрели, как наши вчера словенцев обыграли?

— Что?.. — сперва не понял пассажир. — А! Не, я не видел, — пробормотал он, занятый телефоном.

Он явно находился в некотором замешательстве от столь быстрых поворотов в разговоре.

— Все так восхищаются игрой... ну, журналисты, эксперты. — Роман кинул взгляд по зеркалам, оценивая ситуацию на дороге. — А как по мне, игра серая, скучная... Словения размером, наверное, с Самару. Чем тут гордиться?.. Ну, да ладно... А насчёт переговоров я вам сказал. Не переживайте, сильно не опоздаете, а если чуть-чуть — полезно даже!

Отингеев наконец убедился, что мужчина не горит желанием общаться, и замолчал. Когда стояли на светофоре, водитель искоса из любопытства взглянул на его лицо — самодовольное, с крупными скулами, тонкими губами, квадратным подбородком. Отингеев принюхался к парфюму, которым пользовался этот субъект, и признался себе, что давно такой приятный аромат не проникал к нему в такси.

Машина колесила по проспекту. Над проезжей частью нависали огромные баннеры, рекламирующие страховку, медицинские клиники, пену для бритья. Один из них предупреждал об опасности превышения скорости. На нём был изображён покорёженный автомобиль, Отингеев узнал на баннере марку своей машины — Skoda Rapid. А внизу надпись: «Скорость убивает!»

Наконец такси прибыло в пункт назначения. Пассажир, расплачиваясь, с нескрываемой издёвкой спросил у водителя:

— А вы-то сами превращаете... как там?.. «так вышло» в «я так хочу»?

— Я? — растерялся на мгновение Роман, но тут же нашёлся. — Я — каждый день! — ответил без тени сомнения.

Телефон подал сигнал — пришла оплата поездки. Захлопнулась дверь авто, Отингеев тронулся и почти сразу встроился в поток машин, нагло втиснувшись между «КамАЗом» и «Жигулями». На въезде в Москву намечались большие пробки. Метель становилась всё гуще; огни домов, фонари и фары сливались друг с другом в разноцветные мазки.

Ещё не приняв новый заказ, Отингеев мчался куда-то, оглябая другие авто. Выкручивая руль, он корчил гримасы и ругался вслух:

— Козёл! Да пошёл ты! Переговорщик хренов!.. На такси ездит он!.. Да Павлу Геннадьевичу расскажи про этого клоуна — со смеху лопнет!

2

Следующим пассажиром стал худощавый Суюноша с зелёной шевелюрой. Отингеев терпеть не мог эту моду красить волосы, втыкать в морду пирсинг или накалывать на кожу чёрт знает что.

Уставившись на дорогу, он неожиданно спросил с раздражением:

— За футболом следишь?

— Не, — сразу откликнулся парень.

— Понятно, — словно приговорив его к чему-то, заключил Отингеев.

Когда стояли на красный, он случайно поймал своё отражение в зеркале. Впалые щёки, потрескавшиеся губы, бледная, будто у мертвеца, кожа — будто призрак увидел.

Наконец двинулись на зелёный.

— Куда лезешь, паскуда! Не пушу! — ругался Отингеев. Затем обратился к юноше: — Вот скажи мне, чем ваше поколение интересуется?

— Да кто чем, — смущённо ответил парень, — не могу говорить за всех.

— А если не за всех? Если за себя?

— Ну мне лично музыка нравится.

— Музыка... Какая? — явно цеплялся к парню Отингеев.

— Да вы вряд ли в курсе про таких исполнителей... — тому не хотелось вдаваться в детали.

— Что правда, то правда. Иногда из машин доносится такое дерьмо, знаешь?.. Такая деградация вокруг! — Ехали прямо; Отингеев, немного расслабившись, на секунды выпустил из рук руль. — Твердят в этих дебильных песнях одно и то же! Ни текста, ни мелодии!.. — продолжал разглагольствовать он. — Вкус дурной у народа стал. То есть я, конечно, понимаю — каждый как он хочет... Вот ты, к примеру... Просто интересно мне... Зачем волосы красишь?

— Нравится, — пробубнил парень.

Было видно, что его смущают эти расспросы, но Отингеев не унимался:

— Чтобы выделяться из толпы? Так выделяться другим надо! Умением, эрудицией, навыками. А волосы покрасить — это несложно, знаешь! Это на раз-два! Сложнее книжки читать, информации набираться! Вот Макиавелли ты читал?

— Ну так, слышал что-то, — нервно усмехнулся, отозвался парень. Он поглядывал на водителя с опаской, как на пьяного.

— Почитай, — советовал Отингеев, — поймёшь, как устроена политика, кто нами руководит на самом деле! — произнёс он это с важным видом, будто обладал ценнейшим знанием, которым, однако, не спешил делиться.

На Кутузовском проспекте движение было на удивление быстрым. В метели проглядывались горделивые сталинки, небоскрёбы Москва-сити и памятники; как мираж, возникли и растворились в падающем снеге Триумфальные ворота.

— Поймёшь нашу страну, если Макиавелли считаешь, — продолжил вещать Отингеев. — Любое государство — это как большая компания... корпорация, знаешь ли... Какое руководство — такие и результаты. Вот моя конторка любит штрафовать по жалобам всяких паскуд... Мотивирует это? Павел Геннадьевич, друг мой один, большой руководитель, всегда умел настроить подчинённых, не то что эти! Эти фуфелы умеют только отбить охоту к делу. Всю жизнь нас ни во что не ставили, всегда о нас ноги вытирали!.. — Последнюю фразу Отингеев сказал в запале неожиданно для себя, отчего и сам на мгновение обомлел.

На светофоре он протянул юноше свой телефон. Тот взял его неохотно, как из рук больного чумой. На заставке экрана было фото симпатичной блондинки на фоне заката и пальм.

— Это моя дочь, — сообщил Роман, — в Штаты уехала.

— Красивая, — вымолвил парень.

— А то! Во Флориде живёт, на юриста учится. Глядишь, там и останется. А может, и сюда вернётся... с западным дипломом-то, знаешь!.. Она на психолога поступать хотела, а я сразу сказал, что психологи эти — балаболы все! Толку от них нет. И на работу с таким дипломом хрен устроишься, только если мужика с деньгами охмурить какого-нибудь... Но это и без диплома ведь можно! А так — вода водой! Нормальный человек на приём к ним не пойдёт! Только полупокер какой-нибудь, чтоб поплакаться о том о сём. Хотя понятно, кому сейчас легко?.. Слава богу, и жена моя бывшая, и муж её нынешний — все они того же мнения!

Выговорившись, Отингеев включил отрывок радиопередачи, что крутили с утра: женщина ледяным голосом читала столичные новости. А сам Отингеев думал о фразе про вытирание ног. Откуда она взялась? Каким неизвестным образом зародилась в его сознании? Ему вспомнились строки Маяковского о том, как слова выбрасываются из обгорающего рта, подобно голым проституткам. Роман наткнулся на эту цитату в школьные годы, листая от нечего делать какой-то сборник, а запомнилась она ему благодаря слову «проститутка».

Отингеев поглядывал на спидометр, он показывал около восьмидесяти километров в час. Ему же казалось, будто он ехал не меньше ста, ста десяти. Это несоответствие своих ощущений и того, что показывает стрелка, занимало его разум остаток пути. Высадив пассажира, Отингеев поехал дальше. Он медленно набирал скорость, пытаясь прочувствовать, как она нарастает.

— Хреню маюсь! Спать надо больше! — заключил он вслух и посмотрел на телефон: пришёл новый заказ.

3

Вечером в машину Отингеева села шумная компания из трёх девушек. Направлялись они по адресу: Петровский бульвар, дом шесть, в пути распивали бутылку вина. Метель за окном ненадолго прервалась, свет фонарей стал ярче.

— На гулянку едете? — спросил Роман.

4

— Да, — отозвалась самая громкая из девиц.

— А что без кавалеров? — ухмыльнулся он. — Или кавалеры на гулянке объявятся?

Пассажирки в ответ расхохотались. Отингеев, довольный собой, продолжил:

— А я вот всё жду, когда домой приеду! В чан с пивом окунусь! Не в буквальном смысле, конечно. Так... бутылочку-другую, знаете... Павел Геннадьевич, сожитель мой, тоже любит на грудь принять.... Нет, вы не подумайте! Мы мужики нормальные, но живём вместе. Так нас жизнь свела... Он, правда, руководитель большой, на работе нервы сплошные, стресс, возраст... Как в рекламе, помните?... Иногда приходит злющий... Но я тоже не подарок, знаете, иначе б от меня жена не ушла. Павел Геннадьевич меня обещал в автопарк к себе пристроить. Там и зарплаты хорошие, и отношение к персоналу подобающее. Мы с ним знакомы уже лет двадцать. Он руководил одной фабрикой в Калуге, а я у него был водителем. Славные времена! Жёны наши дружили, дети... Хорошо, он в Москву переехал, объявился. Бывает же!.. А вы, девчонки, чем занимаетесь? Работаете? Учитесь?

— Учимся, — ответили девушки.

— На кого? Не на психолога, надеюсь? — уточнил Отингеев.

— Нет, на художниц.

— А... Ну, это дело интересное, творческое. Бюгема, короче. Хотя мне кажется, что художников заменят компьютеры. В смысле каждый сможет рисовать как Пикассо. Но художники — это всяко лучше, чем психологи!.. У меня дочка во Флориде живёт, на юриста учится. Потом, глядишь, сюда вернётся. С западным дипломом!

— Надеюсь, нас не заменят компьютеры! — приложившись к вину, сказала голосистая девица. — Кстати, я бы на вашем месте тоже не расслаблялась. Вместо людей машины будут водить роботы!

— Возможно, — кивнул Отингеев, — но юристов они заменят нескоро... Надеюсь, по крайней мере...

Погрузившись в размышления о дочери, Отингеев чуть не врезался в снегоборочную машину.

Та, что самая голосистая, взвизгнула и сказала:

— Вы осторожней, пожалуйста!

— Нормально. Нормально всё, — пробормотал Роман, успокаивая её и себя.

Последний в тот день клиент Отингеева, шекастый мужчина в очках, спешил в «Шереметьево».

— Прошу вас, как можно быстрее. За час вроде успеем? — беспокоился он. — Сейчас пробки, небось, такие!.. — На лбу его от волнения проступил пот.

— Да ладно, не переживайте, — улыбнулся Роман. — Кому сейчас легко?

— Что верно, то верно, — тяжело дышал клиент, — уж постарайтесь! А то опаздываю... Ух, кто долго собирается — тот бежит!

Машины продвигались медленно. Казалось, что, если хотя бы одна из них совершит неправильное движение, поток остановится. Отингеев лавировал решительно и продуктивно, выжидая идеальный момент и улучшая позицию на укрытой снегом дороге.

— Хорошо идём вроде. — Мужчина расстегнул куртку, взглянул на часы на запястье.

Роман, бросив на него задумчивый взгляд, заинтересовался:

— Куда летим?

— В Шереметьево.

— Да это я понял! Куда летите, спрашиваю?

— А!.. Совсем задёргался! В Киев через Минск, брат! Завтра на работу!

На полосе, ведущей в Москву, врезались Toyota Camry и «УАЗ Патриот». Кузова обоих были приплюснуты; сверху на груды металла усердно валил снег.

— И как они так впендюрились? — недоумевал Отингеев.

— Ага, — кивнул мужчина, — поток же еле ползёт!

Из машины в соседнем ряду девочка лет шести-восьми с увлечением наблюдала за происходящим на дороге. Пока стояли, Роман смотрел на неё, а потом автомобиль, в котором она ехала, спрятался за «Газелью».

— И что там, на Украине? — спросил Отингеев от нечего сказать. — Какие настроения?

— Дурят народ так же, как и здесь! — махнул рукой пассажир. — Но здесь хоть бабки есть... А у нас... у нас, брат, экономика кончилась, понимаешь?

— Да всё везде одинаково и циклично! — уве-

ренно заявил Роман. — Макиавелли об этом уже давно сказал!

Поток машин между тем постепенно оживился; местность за окном быстро менялась.

Отингеев включил радиопередачу.

— Запись, что ли? — вслушавшись, удивился пассажир.

Роман кивнул:

— Ага, запись.

— А то, думаю, нежели я совсем того... Утром же крутили... — ответил пассажир.

— Вот на этом самом моменте утром я как раз чуть не врезался. И не по своей вине... Суку одну вёз на Рязанку. Она на меня жаловаться теперь собралась. На меня! — словно потеряв контроль над собой, последние слова Роман выкрикнул и, опомнившись, почувствовал себя неловко.

Пассажир, однако, с пониманием покачал головой:

— Бывает, бывает...

Роман, сконцентрировавшись на прослушивании записи, остаток пути проехал молча. Лишь изредка он шептал: «Да куда? Да где? Да где?..»

Прибыли в «Шереметьево».

— Вот вроде терминал «D», — обрадовался пассажир, выглядывая из окошка такси. — Попадись другой водитель, наверное, опоздал бы! Спасибо, брат!

Он выскочил из машины и, запинаясь о комья мокрого снега, почти побежал в аэропорт. Отингеев был несколько удивлён: давно его не благодарили за поездку.

Опять включив утренние новости, он наконец-то рванул домой.

5

Дорога расплывалась в его глазах, становилась неровной. Глаз скоро привык, и это перестало ему казаться чем-то нереальным, каким-то визуальным дефектом. Отингеев чувствовал, как машина во время движения то поднимается, то опускается подобно лодке в море.

Роман говорил сам с собой:

— Да я бы другой состав поставил! Сигурдсона — на фланг, пока он не уехал! У тебя в стране беда, а у нас — ха-ха! И работал бы уже давно у Павла Геннадьевича... Если б проститутку хоть раз подвёз, попросил за услуги...

Жена б от меня всё равно ушла! Хоть у меня и машина плавает, видишь!.. А на поле в Норильске родном я давно насрал! Бегаете по говну моему, не жалуетесь!

Припарковавшись у дома, Отингеев поднялся в квартиру. В прихожей надолго завис перед зеркалом. Вновь ему казалось, что на него смотрит кто-то другой. Бледная кожа, усталый взгляд, мешки под глазами — словно на лицо нанесли грим.

— На кухне среди обшарпанных стен распивал баклажку пива мужчина преклонных лет.

— Здравствуйте, Павел Геннадьевич! — плюхнулся на табуретку напротив него Роман.

— Вечер добрый! — отчеканил тот начальственным голосом. — Как день прошёл?

— Да так, ничего...

Вкратце Отингеев поведал, какую мерзкую бабу подвозил утром на Рязанский проспект. Затем надолго умолк, хлестал пиво стакан за стаканом. Только заканчивалась одна бутылка, он тут же открывал холодильник и переходил к следующей.

— Что-то ты совсем хмурый, Рома, — заметил Павел Геннадьевич.

Отингеев, покосившись на него хмельным взглядом, признался:

— Мне кажется, что я схожу с ума... Я, Павел Геннадьевич, когда ехал утром по Рязанке, слушал «Серебряный дождь»... передача шла...

На мгновение Отингеев поник головой и смолк, будто готовясь уснуть.

— И? — напомнил о себе Павел Геннадьевич.

— И... — вздохнул Роман. — И услышал голос дочери своей, Оксаночки... Она меня звала к себе во Флориду. Потом запись той передачи нашёл в интернете. Весь день её крутил, но Оксаночки там уже не было.

— Так, может, показалось тебе?

— Да нет, в том-то и дело! Это было реальнее, чем ты сейчас!

— Ну, это к психиатру... — недоуменно заметил Павел Геннадьевич.

— Ты что, издеваешься надо мной?! Да психиатры эти — балаболы все! Ничем они мне не помогут! — вскипел захмелевший Отингеев.

— Ты же людей возишь... — даже напрягся Павел Геннадьевич.

— И что?! — вскричал Роман. — Да у меня ни од-

ной аварии не было! Ни одной царапины! И потом... кому сейчас легко?

Его слова заглушила распахнувшаяся с грохотом форточка. На улице буйствовала метель. Снег падал стеной. В кухню ворвался зимний воздух.

Роман, глубоко вдохнув, почувствовал голокружение.

— Нет, Отингеев, я тебе так скажу! — хлопнул ладонью по столу Павел Геннадьевич. — Мне большие водители не нужны! Пока голову не приведёшь в порядок, хрен тебе, а не работа! Ещё угробишь себя!..

Пока тот говорил, Отингеев не сводил с него глаз, при этом фигура Павла Геннадьевича всё увеличивалась и увеличивалась в размерах, пока не заполнила собой всю кухню.

— Завтра поедешь к психиатру! Мы это так не оставим! Понял меня? — строго сказал Павел Геннадьевич.

— Нет, извини, — вяло покачал головой Роман.

Он тяжело дышал. Теперь Отингееву казалось, что ему не хватает воздуха. На край стола через открытую форточку намело горстку снега. Он таял, превращаясь в лужицу. Роман тупо наблюдал за процессом, ему казалось, будто он впервые видит это.

Отингеев перевёл взгляд на Павла Геннадьевича — тот, достигнув макушкой потолка, бесследно исчез из кухни.

— *****-копать, — пробубнил Отингеев.

Протерев глаза, он долго смотрел в одну точку напротив себя. Затем навалился грудью на стол и уснул.

...Когда утром Роман сел в машину, Павел Геннадьевич был уже там.

— Ну, Отингеев! Даю тебе шанс, так уж и быть! Посмотрим сегодня на твоё поведение! Может, ты вчера перепил просто? Понимаю, все мы иногда даём сбой.

— Спасибо, Павел Геннадьевич! — улыбнулся мятый после вчерашнего Роман. — Вы меня извините! Сам не знаю, что на меня нашло!

Поехали по двору, вывернули на широкую улицу.

В ушах Отингеева звучали голоса каких-то женщин, показания спидометра вновь не вызвали доверия...

На дороге он агрессивно боролся за место в потоке, ювелирно вклиниваясь между транспортом всевозможных видов и скоростей. Правда, на Садово-Спасской, обгоняя автобус, чуть не врезался в Kia Rio.

Павел Геннадьевич недовольным голосом одернул Романа:

— Ну-ну! Не расстраивай меня!

Добавив газу, Отингеев промолвил:

— Нормально. Нормально всё.

□

Алексей Валерьевич ПЕНДРАКОВСКИЙ

родился в 1992 году в Москве в семье кинематографистов.

Окончил исторический факультет

Московского педагогического университета

по специализации «основы русской православной культуры».

Работал экскурсоводом, руководителем краеведческого кружка.

Пишет рассказы, повести.

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2014) в номинации «Проза».

Публиковался в журнале «Север».

По повести «Делать нечего» снят одноименный короткометражный фильм (2023).

Живёт в Москве.

